

К неведомому континенту

Фаддей Беллинсгаузен

Карта мира исчерчена путями плаваний российских мореходов. От времен Петра под Андреевским флагом уходили корабли к неведомым землям. Капитан-командор Беринг изыскивал оконечность Американского континента, отряды Великой Северной экспедиции, возглавленные флотскими лейтенантами, определяли контуры ледового побережья Сибири. И от Чирикова, Прончищева, Харитона Лаптева до Георгия Седова и Александра Колчака, исследователя и ученого, — в путешествиях бесчисленных и мужественных составили себе честь русские военные моряки. Вот где к месту и к слову повторить, что в старину суда были деревянные, а люди на них плавали железные!.. В хождениях за моря и материка пронесли на своих судах имя России Крузенитерн и Лисянский, Головин, Коцебу; Беллинсгаузен и Лазарев: с их открытиями Россия заявила о себе как держава океаническая.

В ряду славных кругосветных путешествий русских моряков — экспедиция к берегам Антарктиды. Плававший ранее в южных морях знаменитый капитан Кук доказывал, что Антарктиды не существует или ее достичь невозможно. О том, как шлюпы «Восток» и «Мирный» достигли ледового континента, рассказал в своих записях Фаддей Беллинсгаузен. Нами выбраны из них два отрывка — о разных этапах плавания, но в равной мере любопытных в прочтении.

«БЕРЕГ! БЕРЕГ!..»

10 января (1821 года). ...В полдень ветер отошел к востоку и сделался свежее. Не имея возможности идти к югу от встречаемого сплошного льда, мы должны были продолжать путь в ожидании благополучного ветра. Между тем морские ласточки подавали нам повод к заключению, что в близости сего места существует берег.

В 3 часа пополудни увидели чернеющее пятно. Я в трубу с первого взгляда узнал, что вижу берег. Солнечные лучи, выходя из облаков, осветили сие место, и, к общему удовольствию, все удостоверилось, что видят берег, покрытый снегом: одни только осыпи и скалы, на коих снег удержаться не мог, чернелись.

Невозможно выразить словами радость, которая явилась на лицах всех при

Ф. Ф. Беллинсгаузен

У ледового барьера. С картины И. Рубана.
Таким увидел край далекого континента
наш современный художник, таким видели
его с палубы своих судов отважные мореплаватели

восклицания: «Берег! Берег!» Восторг сей был неувидителен после долговременного единообразного плавания в непрерывных губительных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах... Обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега, ибо существование токмо одного в таком обширном водном пространстве нам казалось невозможным.

11 января. С полуночи небо было покрыто густыми облаками, воздух наполнен мглой, ветер свежел. Мы продолжали идти тем же курсом к северу, чтобы, поворота, лечь ближе к берегу. В продолжении утра, по прочищении пасмурности, носящейся над берегом, когда солнечные лучи оный осветили, мы увидели высокий остров, простирающийся от NO 61° до S, покрытый снегом. В 5 часов пополудни, подойдя на расстояние четырнадцати миль от берега, встретили сплошной лед, который нам воспрепятствовал еще приблизиться, лучше обозреть берег и взять что-либо любопытства и сохранения достойное в музей Адмиралтейского департамента. Достигнув с шлюпом «Востоком» до самых льдов, я привел на другой галс в дрейф, чтобы дожидаться шлюпа «Мирного», который был позади нас. При приближении «Мирного» мы подняли флаги: лейтенант Лазарев поздравил меня через телеграф с об-

ретением острова; на обоих шлюпах поставили людей на ванты и прокричали по три раза взаимное «ура». В сие время приказано дать матросам по стакану пунша. Я позвал к себе лейтенанта Лазарева, он сообщил мне, что все оконечности берега видел ясно и хорошо определил положение оных. Остров был весьма ясно виден, особенно нижние части, которые составлены из крутых каменных скал.

Я назвал сей остров высоким именем виновника существования в России военно-го флота — остров Петра I.

По сплошному льду, окружающему остров, не предвидя возможности подойти близко к берегу, чтобы послать гребное судно, я положил, не теряя времени, идти далее к востоку и в параллель льдов, надеясь, что, может быть, сии льды приведут нас к новым обретениям...

17 января. Часть неба к югу была ярко освещена, а вся остальная покрыта облаками; мы продолжали идти около ледяных низменных полей. В 11 часов увидели берег; мыс оного, простирающийся к северу, оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор, имеющих направление к юго-западу.

День был прекрасный, какового только можно ожидать в большой южной широте. Ветер дул тихий. В половине четвертого часа дошли вплоть до сплошных плаваю-

Памятник Беллинсгаузену в Кронштадте

щих льдов и должны были поворотить, не имея возможности приблизиться к берегу. В сие время с салинга видели повсюду мелкий сплотившийся лед, не допускавший до берега на расстояние сорока миль.

Простирая плавание в южных больших широтах для исполнения воли государя, я почел обязанностью назвать обретенный нами берег — берегом Александра I. Памятники, воздвигаемые великим людям, изглядятся с лица земли все истребляющим временем, но остров Петра I и берег Александра I останутся вечно неприкосновенны и передадут высокие имена потомству.

«СО ВСЕЮ ВЕЖЛИВОСТЬЮ ЮЖНОГО ОКЕАНА»

28

мая. ... Я остановился на якорь по северо-западную сторону острова Матуаро. Мы были окружены высокими горами, по большей части покрытыми лесом, к северу синелся южный берег, который тоже довольно высок. На западной части заметили огороженное место, оно казалось обитаемым. Вскоре с сей стороны пригребли к нам две лодки, на одной было 23 человека, а на другой, которая поменьше, 16 человек. Лодки имели на носу резьбу, улитковыми линиями, и изображение человеческой головы с высунутым языком и глазами из

ракушек. Люди сидели и гребли попарно, в нескольких саженях от шлюпа остановились; один человек встал и громко говорил речь, размахивая руками; мы ничего не поняли, и я отвечивал общим у всех народов знаком мира и дружбы: распустил белый платок и манил к себе. Островитяне, посоветовав между собою, вскоре пристали к судну. Я позвал на шлюп старика, говорившего речь, который, по-видимому, был начальник; он взмог, дрожал от робости и был сам не свой. Я его обласкал, подарил некоторые безделицы; подарки сии его обрадовали.

...Вчерашние наши гости пристали к шлюпу «Востоку»; они привезли для продажи рыбу. Старика, которого я накануне одарил по-новозеландски так щедро, мы признали за начальника. Я встретил его со всею вежливостью Южного океана, обнялся с ним и прикосновением наших носов мы как будто утвердили взаимное дружество. Уже было время обеденное, я пригласил начальника к себе в каюту с нами отобедать. Его посадили в первое место между мною и лейтенантом Лазаревым. Он все столовые вещи с удивлением перебирал и рассматривал, но есть не принимался прежде, нежели другие показали пример; тогда осторожно и притом неловко вилкой клал кушанье в рот. Вино пил неохотно. За столом уверяли друг друга в взаимной приязни знаками и несколькими словами, мне известными, а когда, желая еще убедительнее уверить его в моей дружбе, я подарил ему полированный прекрасный топор, то он от радости не усидел за столом, бросился наверх на палубу, куда я его проводил. Отсюда прямо бросился к своим землякам и, обняв меня, с большой радостью повторял: «токи! токи!» (топор! топор!).

Прочих угощали на шканцах сухарями, маслом, кашей и ромом. По окончании своего обеда они сели друг против друга, начали петь довольно изрядными напевами и весьма согласно. Один из них запевал, а потом все вдруг подхватывали и оканчивали весьма громко и отрывисто; тогда тот же человек снова запевал и все к его пению приставали. Нам казалось, что напев их некоторым образом похож на наш простонародный и пение зеландцев состоит из разных небольших куплетов.

...Побыв с нами немалое время, зеландцы отправились обратно на берег и были довольны удачною торговлею.

3 июня. ...С утра мы были в совершенной готовности сняться с якоря. Между тем зеландцы не умедлили посетить нас (желая выменять безделицы, которые для них драгоценны). Я сделал еще несколько подарков начальнику, дал знать ему, что от них отправляюсь; он изъявил непритворное сожаление, и все просили, чтоб мы к ним возвратились.